

Начальной летописи признал, что после исследования А. И. Соболевского и других нельзя сомневаться в том, что литературные памятники появлялись в древнюю эпоху и в Моравии, и в Чехии, откуда переходили на Русь и сохранялись в русских списках. Однако, как отмечал Н. К. Никольский,⁵⁶ пути, по которым эти памятники шли на Русь, почти никем не изучались.⁵⁶ В 1954 г. попытку исследовать пути, которыми западнославянские тексты шли из Чехии в Россию, предпринял Ф. Дворник.⁵⁷

Он считает, что главными посредниками в переходе церковнославянских текстов из Чехии на Русь были чешские бенедиктинские монастыри. Для меня этот труд известного чешского славяноведа и византиноведа остался недоступным, но приведенная гипотеза представляется мне вполне вероятной. Сейчас уже неоспоримым является факт постоянных и непрерывных культурных связей Киевской Руси с Западом, так же как и неоспоримо существование непрерывной кирилло-мефодиевской традиции в X и XI вв. на территории западного славянства: в Моравии и Паннонии под властью венгров и в соседних Чехии и Польше.

Начальная летопись очень мало и лишь мимоходом говорит о связях первых Рюриковичей с Западом, но еще меньше говорит она о русских отношениях с балканскими славянами; да и отношения с Византией описываются лишь в связи с военными походами первых князей на Царьград, один раз в связи с путешествием в Царьград княгини Ольги и затем в связи с крещением Руси при Владимире. Между тем в других летописях, как и в некоторых иностранных источниках, сохранилось немало известий о дипломатических связях русских князей с соседними землями, в частности с Западом, который как раз в ту эпоху переживал период особенно живой миссионерской деятельности по христианизации языческих народов на севере и востоке Европы.

Слова летописца «мнози бо беше варязи христиане» свидетельствуют о роли этого элемента в процессе распространения христианства на Руси, и не безосновательной является гипотеза Н. И. Коробки, что, может быть, св. Ангарий, который в IX в. проповедовал христианскую веру в Дании и Швеции, побывал и в Киеве при Аскольде: ср. упомянутую молитву с именами скандинавских святых.⁵⁸

Хорошо известно свидетельство хроники Продолжателя Регинона, что в 960 г. к императору Оттону прибыли «legati Helenae reginae Rugorum» (Кведлинбургская, Корвейская и другие хроники исправляют — *Rusciae gentis*), которая перед этим приняла христианскую веру в Царьграде в правление императора Романа, с просьбой послать ей на Русь епископа; что Оттон послал туда Адальберта (чеха св. Войтеха, которого так и именует хроника сазавского монаха), но что русские прогнали его в 961 г. Безотносительно к тому, какое толкование этого известия примем в связи со спорным вопросом о месте и годе крещения княгини Ольги, само событие после ряда специальных исследований (особенно Воронова, Фортинского и Линниченко) можно считать незыблемо установленным.⁵⁹

⁵⁶ Byzantinoslavica, t. III. Prague, 1931, стр. 330.

⁵⁷ F. Dvornik. Les Bénédictins et la christianisation de la Russie. — L'Eglise et les églises. Chevetogne, 1954; см. также: Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 9.

⁵⁸ ИОРЯС, т. XIX, кн. 2. СПб., 1906, стр. 24.

⁵⁹ См.: Н. Д. Полонская. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира. — ЖМНП. Пр., 1917, № IX, стр. 63—72; Ж. Шмурло. Курс русской истории, т. 1. Прага, 1931, стр. 400 (литограф. издание); Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV веках. М.—Л., 1959, стр. 33—37; А. В. Карташев. Очерки по истории русской церкви, т. 1. Париж, 1959 (далее: Карташев), стр. 101—103.